

Rahimov I.M.♦

DOI: 10.25108/2304-1730-1749.iolr.2022.66.95-111

UDC 343.9

Consciousness and will in the mechanism of crime

Abstract: The present state of science gives grounds for asserting that the will does not appear to be something abstract. It is the same natural phenomenon as everything around us in the world, and is dependent on the same natural causes as everything else in the universe. The laws of its origin, development and destruction are studied by psychology, which is able to penetrate into all the secrets of the human will and explain to us its entire mechanism. Despite the fact that psychology even today admits that in this matter it encounters many ambiguities and difficulties that are also known to philosophers, nevertheless, it reveals with sufficient certainty a very important and fundamental question for us: the relationship with the will, which required to establish the object and subject of the psychological impact of punishment in general and the death penalty in particular.

Keywords: psychology; death penalty; threat of punishment; cause; will; consciousness.

References

1. Annanyev B.G. *Chelovek kak predmet poznaniya* [Man like a subject of cognition]. 3rd ed. S. Petersburg, Piter Publ., 2018, 288 p.
2. Belyaev D.K. *Sovremennaya nauka i problemy issledovaniya cheloveka* [Modern science and problems of human research]. *Voprosy filosofii – J. Issues of Philosophy*. 1981. No 3, pp. 3-16.
3. Ellinek G.V. *Sostial'no-eticheskoe znachenie prava, neprady i nakazaniya* [Socio-ethical meaning of law, untruth and punishment]. Moscow, Kniga po trebovaniyu Publ., 2013, 158 p.
4. Kerimov D.A. *Metodologiya prava. Predmet, funkstii, problemy filosofii prava* [Methodology of law. Subject, functions, problems of philosophy of law]. Moscow, SGU Publ., 2011. 521 p.
5. Kudryavstev V.N. *Pravo i povedenie* [Law and behaviour]. Moscow, Yurid. lit. Publ., 1978, 192 p.
6. Norris D. *Seriynye ubiysty* [Serial killers]. Moscow, Kron-Press Publ., 1998, 320 p.
7. *O prirode cheloveka. Monten, Laroshfuko, Paskal'* [On human nature: Montaigne, La Rochefoucauld, Pascal]. Moscow, 2009, 283 p.
8. *Populyarnye lektzii po ugolovnomu pravu I.V. Platonova* [Popular lectures on criminal law I.V. Platonov]. S. Petersburg, 1901, 183 p.
9. Fedoseev P.N. *Problemy sostial'nogo i biologicheskogo v filosofii i sostiologii. V kn. Biologicheskoe i sostial'noe v razvitiu cheloveka* [Problems of social and biological in philosophy and sociology. in the book Biological and social in human development]. Moscow, Nauka Publ., 1977, pp. 5-64.
10. Fromm E. *Anatomiya chelovecheskoy destruktivnosti* [Anatomy of human destructiveness]. Moscow, AST Publ., 2012, 635 p.

♦ **Rahimov Ilham Mammadhasan oglu** – Doctor of Juridical Sciences, Professor, Honoured Jurist of Azerbaijan Republic, a member of the Council of the IOLR, Azerbaijan. E-mail: mopi_sid@yahoo.com

11. Jessery. Criminal Behavior and learning theory // J. Crim. I.C. and P.S. 1965. No. 56, pp. 295-300
12. Kaiser G. Genetics and Crime. Proceedings of the 2nd International Symposium on Criminology. San Paulo, Brazil, 1975, pp. 7-8
13. Locke D. Essay on human understanding. В. II. 131 p.

Рагимов И.М.♦

DOI: 10.25108/2304-1730-1749.iolr.2022.66.95-111

УДК 343.9

Сознание и воля в механизме преступления

Аннотация: Современное состояние науки дает основание утверждать, что воля не представляется чем-то отвлеченным. Она есть такое же естественное явление, как и все окружающее нас в мире, и находится в зависимости от таких же естественных причин, как и все прочее во вселенной. Законы ее зарождения, развития и разрушения исследуются психологией, которая в состоянии проникнуть во все тайны человеческой воли и объяснить нам весь ее механизм. Несмотря на то, что психология и сегодня признает, что в этом вопросе она сталкивается со многими неясностями и трудностями, которые известны и философам, тем не менее, она с достаточной определенностью раскрывает очень важный и принципиальный для нас вопрос: соотношение с волей, что и требуется для установления объекта и предмета психологического воздействия наказания вообще и смертной казни в частности.

Ключевые слова: психология; смертная казнь; угроза наказания; причина; воля; сознание.

Каждое государство всегда причисляло и причисляет к категории преступлений, за которые предусмотрено лишение жизни человека, деяния своих сограждан, представляющих, в его понимании и по его убеждению, наибольшую угрозу развала социальной организации. А это означает, что понятия преступления и наказания связаны с господствующими в том или ином обществе идеями, национальными особенностями, историческим развитием этого народа, наконец, с религиозными ценностями. Так, например, в период Советской власти во всех кодексах союзных республик за экономические преступления было установлено наказание в виде смертной казни. Но, несмотря на это, люди совершали эти преступления, зная, что смертная казнь реально применяется. Неужели страх подвергнуться смертной казни не способен пересилить страстей человеческих в стремлении к наживе, богатству, прибыли путем контрабанды товаров, подделки денег, коррупции, растраты, мошенничества, взяточничества в тех странах, где сегодня существует это наказание за перечисленные деяния (Китай, Вьетнам, Южная Корея)? Невозможно себе представить, что человек готов пойти на смертную казнь и пожертвовать своей жизнью, которую, как говорил Т. Мор, «по ее ценности нельзя уравновесить всеми благами мира» взамен получения временного удовольствия путем потребления наркотических средств (Сингапур, Таиланд). Человек не боится смертной

♦ Рагимов Ильгам Мамедгасан оглы – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Азербайджанской Республики, член Совета МОПИ, Азербайджан. E-mail: mori_sid@yahoo.com

казни даже за совершение прелюбодеяния, богохульства (Иран), зная, что за эти деяния предусмотрена высшая мера наказания.

Почему же человек, рискуя своей жизнью, все-таки решает идти на совершение таких преступлений, от которых в результате он собирается получить незначительную выгоду? Может быть, он сомневается в объективно существующем риске разоблачения? Или он сознательно выбирает этот вариант поведения, потому что, по сравнению с предполагаемым наказанием — потерей жизни, выгода от преступления составляет явное преимущество? Но ведь для разумного сознания это абсурд. Психологическим понятием, которое более всего приближает нас к проблеме предупреждения (удержания) в уголовно-правовом плане, является «предвидимое наказание». Надо отметить, что Д. Доллард и его соавторы в классической работе «Фрустрация и агрессия» (1939 г.) придают этому понятию основополагающее значение и ссылаются на эмпирические исследования, в которых оно применялось. Авторы утверждают, что перестают совершаться те действия, за которыми в прошлом следовало наказание, и что в качестве закона поведения сила запрета на любой акт агрессии находится в положительной зависимости от размера наказания, которое, как ожидается, должно быть следствием этого акта. Как видим, это вполне соответствует классическим теориям удержания и основанным на здравом смысле представлениям о значении суровости угрозы. Если вторая часть утверждения авторов еще может быть оспорена, то первое положение, как минимум, не подтверждается практикой. Убедительное свидетельство тому - показатель рецидивной и повторной преступности.

Нельзя считать доказанным, что опыт пережитого наказания всегда имеет тенденцию усиливать у преступника страх перед законом. Он может производить и обратное действие. Лицо, осужденное ранее за серьезное преступление, если оно подверглось тюремному заключению, будет меньше бояться нового осуждения, так как его репутация уже испорчена.

На самом ли деле человек настолько разумное, рациональное существо, что всегда действует по строгому расчету, который не могут поколебать ни заблуждения, ни чувства, и идет только на разумный, оправданный риск. Если и есть такой человек - это тип «идеального» человека. Был ли он когда-либо? Есть ли он сейчас?

Еще древние величайшей загадкой человеческого поведения считали то обстоятельство, что человек, зная, как не надо поступать, поступает именно так, как не надо. Отметим сразу, что угроза смертной казни неодинаково действует на людей, ибо не все люди в одинаковой степени восприимчивы к психологическому устрашению и по-разному сознают предвидимый результат. Так, например, некоторые больше боятся не последствий этого наказания, хотя и осознают, что это такое, а осуждения, страдания и переживания со стороны членов семьи, друзей и родственников.

Однако, без сомнения, решающим фактором в создании удерживающего эффекта смертной казни является расчет, принимаемый потенциальным преступником. Именно в силу этого, когда государство пытается сдержать заметный рост, в частности, коэффициента умышленных убийств, обыкновенно расширяет применение этого наказания через законодателя и суд, исходя из очень простого и разумного положения: если риск смертной казни станет настолько сильным, что перевесит ожидаемый выигрыш, потенциальный убийца как человек рациональный предпочтет не совершать убийство. Но способен ли человек — потенциальный убийца на рациональный выбор? Ведь если, как утверждают психологи, внутреннее ограничение отсутствует, то угроза смертной казни мало что дает, поскольку человек не

в состоянии делать правильный выбор, взвешивая риск наказания и возможность выигрыша. Он действует в состоянии эмоциональной неустойчивости, отсутствия самоконтроля или потому, что усвоил ценности преступной субкультуры. В таком случае следует поднимать уровень морали у населения, ибо есть категория людей, которые повинуются закону не из страха перед лишением жизни, а в силу моральных запретов. Встречаются попытки определения влияния угрозы смертной казни, исходя из опытов по изучению животных в лабораторных условиях. Один из этих авторов нашел, что экспериментальные данные подтверждают положение, согласно которому не суровость наказания, а его неизбежность удерживает людей от совершения преступлений. Кроме того, для того чтобы быть эффективным, наказание должно сразу же следовать за преступлением [11, с. 295-300].

Никто не отрицает, что важным фактором в создании удерживающего эффекта является существующий риск разоблачения. Однако для населения более важно, что карательная система работает, преступник не уходит от наказания; работает ли она быстро или медленно — имеет небольшое значение. Что касается опытов на животных, то, несомненно, к подобным выводам нельзя прийти на основе таких экспериментов, тем более что они проводились в закрытых лабораториях. Необходимо учитывать различия между угрозой смертной казни и фактическим ее исполнением, ибо психологические опыты на животных были связаны именно с воздействием фактического наказания, а не угрозы. Общепредупредительный же эффект смертной казни достигается посредством угрозы этого наказания. Мотивационная ситуация, как мы понимаем, здесь очень сложна.

Риск неблагоприятных последствий, действительно, оказывает очень сильное мотивирующее воздействие на большинство людей. В противном случае процент людей, совершающих преступления на планете, равнялся бы не 6, а 96%. Если иметь в виду чисто удерживающую силу уголовного наказания, которая для некоторых преступлений является важным и главным, то следует признать, что сдерживание зависит не просто от риска быть наказанным, а также от размера и характера наказания. Это, в первую очередь, относится к таким преступлениям, при которых человек тщательно взвешивает все «за» и «против». Повышая размер наказания за такого рода преступления, мы тем самым увеличиваем его сдерживающий эффект.

В принципе, есть преступные деяния, которые с большей вероятностью подвержены воздействию угрозы наказания. Это, в первую очередь, относится к преступлениям материального характера, а также к умышленным преднамеренным преступным деяниям. Так, например, мотивация убийств столь различна, что невозможно оценить эффект действия угрозы смертной казни в этой сфере, не проводя дальнейшей дифференциации. Некоторые люди воздерживаются от совершения умышленного убийства из страха перед этим наказанием. Другие не совершают убийства потому, что оно внушает им отвращение. Одна из причин того, почему многие воздерживаются от убийства, заключается в том, что они не столько боятся быть расстрелянными или повешенными, сколько не способны на такое поведение в силу хорошего воспитания и нравственного совершенства.

Немало также людей, которые отказываются брать на себя такой грех из-за страха не перед наказанием, а перед Богом. Очень часто кровную месть на Кавказе останавливало не наказание в виде смертной казни, а воздействие словом влиятельных и уважаемых людей. Вообще, грубость, склонность к насильственным действиям не всегда возможно предотвратить посредством даже высшей меры наказания, так как они совершаются потому, что

доставляют человеку определенное удовольствие. Исследования, обнаруживающие высокий уровень рецидива среди наркоманов, дают основание утверждать, что на потребление наркотиков, как и на некоторые виды убийств, сравнительно слабо влияют угроза смертной казни и ее применение.

Мы сталкиваемся с большими трудностями, когда пытаемся оценить общепредупредительное воздействие угрозы высшей меры наказания за измену родине, государственный переворот и подобные преступления. Совершенно очевидно, что законодатель тем самым дает знать, что интересы государства превыше всего и что они должны охраняться посредством жестких и суровых наказаний. Государство не рассчитывает на сознание и патриотизм отдельных членов общества, а надеется на устрашительную силу угрозы наказанием. В то же время есть основание утверждать, что такая угроза не действует на преступления политического характера, побуждаемые верой в справедливость своей цели. Сексуальные преступления принадлежат к той группе преступлений, в отношении которых скептицизм по поводу сдерживающего воздействия угрозы смертной казни в определенной степени обоснован. То, что эти деяния вызывают сильное общественное неодобрение и отвращение, всем известно. Так что сам страх перед разоблачением оказывает мощное сдерживающее воздействие, в отличие от страха даже самого сурового наказания.

Архимед говорил: «Дайте мне точку опоры, и я сдвину Землю». Мы утверждаем, что полезность и целесообразность смертной казни, степень эффективности ее психологического воздействия невозможно определить до тех пор, пока не получим научно обоснованные данные относительно причин и механизма преступного поведения человека за те преступления, в отношении которых предусмотрена эта мера, в особенности умышленных убийств.

Объяснить любое явление, значит, понять его причины, а признать явление беспричинным, значит, признать его необъяснимым, чудесным. Может быть, действительно, преступление, как поведение человека, - явление беспричинное? Что же такое понятие причины, без уяснения которого невозможно докопаться до истоков, толкающих человека к совершению преступления?

Знаменитый английский философ-скептик Д. Юм подверг более тщательному анализу понятие причины и пришел к следующим выводам: причинная связь явлений есть лишь зависимость одних явлений от других. Рассматривая происходящие явления, он увидел, что для наступления каждого данного явления необходимо, чтобы ему предшествовало одно или несколько явлений. Явление, неизменно предшествующее другому, называется его причиной, неизменно последующее - следствием. Значит, причинение есть не что иное, как последовательность явлений. Человеческому уму доступно наблюдение только этой последовательности явлений.

Причиной каждого явления нужно признать только другое явление, без которого первое не произошло бы. Представить себе причину, независимо от произведенного ею явления, невозможно, невозможно логически, а логически невозможное является бессмыслицей.

Учение Д. Юма разделяется Дж. Миллем, хотя и с определенной оговоркой. Он признает причиной не одно какое-нибудь явление, предшествующее результату, а их совокупность, то есть причиной следует признать не одно какое-нибудь явление, а совокупность всех их. Можно ли отнести теорию Юма, точнее, взять ее за основу, при объяснении причин преступного поведения вообще и насильственного в частности?

Мы согласны с общепризнанной истиной, что явлений без причины не существует. Вот почему и преступление как социальное явление подчинено причинной связи. Однако существуют явления совершенно различного характера и содержания. Преступление тем и отличается от других явлений природы, что оно совершается людьми, а человек, как известно, может захотеть или не захотеть совершить преступление. Иными словами, человек может и не подчиняться внешним обстоятельствам и условиям, тогда, естественно, не будет и результата, а причина познается только из его результата. Например, человек предпочитает умереть с голоду, чем украсть. В данном случае существуют обстоятельства для совершения кражи, однако результата, то есть преступления, нет, а значит, и нет причины.

В принципе, историю развития учений о природе насильственного преступного поведения можно представить, как историю борьбы двух направлений - социологического и биологического. Все сводится к решению следующих проблем: имеется ли какая-либо взаимосвязь между наследственными свойствами организма и поведением человека, в том числе преступным? И если имеется, то каков уровень количественного «вклада» биологического в различные функции человеческого организма, в психологические процессы и поведение человека?

Если до XIX в. эта проблема так остро не стояла, то успехи медицины и генетики со временем начали порождать у человечества надежды на то, что эти науки помогут ответить на волнующие всех нас вопросы. Почему человек совершает убийство? В чем истоки такой агрессии, насилия? Как их искоренить? Ведь именно от ответов на эти вопросы зависит целесообразность применения смертной казни в отношении лиц, совершающих умышленные убийства и насилия. Как известно, принципиальная политика марксизма-ленинизма состояла в том, что социальные явления, к которым относилась и преступность, не могут быть объяснены с биологических позиций. Но в то же время возникала другая проблема: человек ведь одновременно и биологическое существо. Значит, человека и его поведение следует изучать с социально-биологических позиций. В противном случае, то есть если все сводить к социальной среде и полагать, что природное, биологическое в человеке никакой роли в преступном поведении не играет, следует ждать, когда в обществе будут решены все социальные проблемы людей и необходимость в их наказании отпадет, поскольку люди не виноваты в недостатках социальных условий общества. В романе «Отверженные» В. Гюго словами своего героя Жана Вальжана вопрошает: «... вправе ли человеческое общество в равной мере подвергать своих членов безрассудной своей беспечности, с одной стороны, и беспощадной предусмотрительности - с другой, навсегда зажимая несчастного человека в тиски между недостатком и чрезмерностью - недостатком работы, чрезмерностью наказания?» На наш взгляд, следует не искать общее сопоставление социального и биологического, приобретенного и унаследованного в человеке, а попытаться раскрыть конкретное взаимодействие, анализ механизма действия факторов в объяснении причин поведения. Понятно, что человек изменяет, но не отменяет, не уничтожает в себе природное, биологическое. Генетическое разнообразие создает уникальность, неповторимость биологической индивидуальности каждого из людей. Однако наука доказала, что биологические различия людей, даже рас и этнических групп, ничтожны в сравнении с их единством. Действительно, по наследству передаются многие психологические свойства. Однако это не свидетельствует о том, что существует, например, связь между физической конструкцией человека, психическим складом и умышленным убийством (об этом говорили психиатры Э. Кречмер и Р. Фунес). Г. Кайзер

совершенно справедливо подчеркивает: «Исследование преступности как продукта наследственности оказалось весьма недостаточным... Мы должны определенно признать неудавшуюся попытку объяснить преступное поведение наследственными факторами» [12, с. 7-8]. Понятно, что речь идет о насильственных преступлениях, в частности убийствах умышленного характера. Можно было бы утверждать о существовании наследственных причин агрессивной преступности, если бы удалось установить, что закономерности генетического развития людей, проживающих в определенное время на определенной территории, совпадают с закономерностями в движении насильственных преступлений, убийств, изнасилований.

Итак, основа дискуссии о роли биологического может быть устранена при условии, что генетический фактор не является решающей причиной поведения, в том числе убийств, а играет второстепенную роль по сравнению с социальными причинами. Ведь от решения этой проблемы зависят методы и формы предотвращения преступных проявлений, то есть будущее развитие наказания, а также судьба смертной казни. Если будет установлено, что причины умышленных убийств связаны с биологическим фактором, придется изобретать способы медицинского воздействия на преступников, формы генетического контроля. В таком случае вопрос о целесообразности применения наказания, а тем более смертной казни, естественно, потеряет свое значение. В принципе, подавляющее большинство советских и современных ученых-юристов считали и считают, что преступность - не биологическая категория. Такого же мнения придерживаются и философы. Так, например, П.Н. Федосеев пишет: «Было бы просто нелепо искать корни преступности в биологических качествах человека, но, вместе с тем, надо принимать во внимание при этом и некоторые из индивидуальных различий между людьми» [9, с. 29]. В самом деле, разве смог бы неразумный человек выполнять роль мыслящего деятельного существа, способного к неограниченному прогрессу, если бы его мысли и поступки носили врожденный, генетически запрограммированный характер. Наука доказывает, что «громкая пластичность мозга, тренируемость и обучаемость людей исключают фатальное значение генетической программы» [2, с. 15]. Это означает, что люди с нормальной генетической программой могут себя контролировать, а в случае ее нарушения - в той или иной степени страдает мозг. Иными словами, поражение генетической программы вызывает резкое противоречие между социальными потребностями и биологическими возможностями. Если согласиться с утверждением о том, что убийство, так же как и другие насильственные преступления, - явление столь же естественное и необходимое, как рождение, смерть, зачатие, психические болезни, начальной разновидностью которых оно часто является, то становится бессмысленным и безнравственным применение смертной казни для предотвращения этих деяний. Прямая связь наследственности и убийства есть отрицание не только этой исключительной меры, но и любого наказания, в том числе пожизненного лишения свободы как альтернативы. Смертная казнь не в состоянии противостоять наследственному инстинкту стремления отнять жизнь себе подобного.

Исследование умышленного убийства как продукта наследственности оказывается весьма недостаточным и неубедительным. Поэтому попытку объяснить убийства наследственными факторами следует определенно признать неудавшейся. Конечно, было бы просто примитивно искать корни насилия в биологических качествах человека, но, вместе с тем, надо принимать во внимание при этом и некоторые из индивидуальных различий между людьми.

Но ведь существуют какие-то причины, свойства, которые являются источниками этого страшного насильственного поведения человека? И в состоянии ли это разумное создание самостоятельно противостоять этим свойствам? Какова роль страха перед смертной казнью в этом процессе? Различные подходы и взгляды психологов на проблему агрессивности поведения человека привели к различным мнениям относительно причин убийств. Пытаясь объяснить умышленные убийства, жестокое асоциальное поведение, приводящее к любому насилию, психоневролог Дж. Прескоти разработал собственную теорию «глубоких поражений головного мозга», а главный хирург США Э. Кооп высказал предположение, что жестокость, насилие, убийство - это заболевание, требующее медицинской профилактики. Невропатологи подтверждают, что мозговая аномалия характерна для индивидуума, не способного контролировать жестокость в той мере, в какой это делают большинство здоровых людей. Д. Норрис в книге «Серийные убийцы» в результате своих исследований пришел к выводу о том, что у убийц, в особенности серийных, существует набор симптомов, характеризующих конкретный тип заболевания, которые формируют модель поведения. По его мнению, любое убийство имеет период «вынашивания». В это время убийца достигает точки бессознательного, от которой возврата нет. На этой точке он теряет сознательную способность контролировать свои действия.

Согласно теории инстинктивистов (З. Фрейд, К. Лоренц, Э. Фромм) человек живет прошлым своего рода, а значит, его поведение, в том числе агрессивное, насильственное, связано с его предками, то есть с животными. А это означает, что человеческая деструктивность имеет генетическое (врожденное) происхождение. Так, основная теоретическая посылка З. Фрейда гласит: человек одержим одной лишь страстью - жадной разрушить либо себя, либо других людей, и этой трагической альтернативы ему вряд ли удастся избежать. Следовательно, убийство как одна из форм жестокой агрессии представляет собой некий постоянно присутствующий в организме подвижный импульс, обусловленный самой биологической и физиологической конституцией человеческого существа, самой природой человека.

К. Лоренц в книге «Так называемое зло» (1963) пытается доказать, что страсть человека к насилию, злу обусловлена биологическими факторами, не подлежащими его контролю. Из этого положения можно заключить, что убийство - это результат внутреннего напряжения, которое требует разрядки и находит выражение, невзирая на то, есть для этого подходящий внешний раздражитель или нет. По К. Лоренцу выходит, что человек совершает убийство безо всяких на то мотивов и причин. Именно такое агрессивное, насильственное поведение является как бы освободителем энергетической напряженности.

Итак, и З. Фрейд, и К. Лоренц разными путями приходят к одному и тому же представлению о человеке как существе с постоянно возникающей агрессивно-деструктивной энергией, которая не может долго существовать. Следовательно, даже такое наказание, как смертная казнь, является бесполезным в предотвращении такого вида человеческой агрессии, как убийство другого человека, ибо такое поведение следует считать врожденной чертой. В таком случае человек вообще не может нести ответственность за убийство, поскольку он не имеет ни капли свободы, выступая в роли марионетки, которая управляется инстинктами. Мы совершенно согласны с общеизвестным утверждением о том, что пока наше отношение к исследованию причин насилия, убийств будет основываться только на уровне криминологии, то это напоминает выражение «ловить черную кошку в темной комнате», по-

сколькo такое криминальное поведение, как убийство, — явление отнюдь не простое, а исключительно сложное, - «заключительная стадия развития», в которой находят выход нарушения биологического, психологического и социального аспектов индивидуума. Но у юристов, естественно, не может не возникнуть достаточно много вопросов. Можно ли болезнь, которая существует у убийц, предотвратить? Если допустить существование биопсихологического синдрома, заставляющего индивидуума против его сознательной воли совершать убийство или изнасилование, то кто компетентен оценить состояние здоровья этой личности? Все ли перенесшие черепно-мозговую травму, как утверждают невропатологи, становятся убийцами? Все ли, кто подвергался в детстве жестокому обращению, становятся убийцами? Все ли голодающие в раннем возрасте обязательно когда-нибудь совершат убийство? Почему же подавляющее большинство людей не совершают убийств, насилия? Может быть, у человека все-таки есть антипреступный, антиагрессивный инстинкт, который служит внутренней преградой против убийства, а страх перед смертной казнью, оказывая воздействие именно на этот инстинкт, предупреждает: «Не убивай!».

Самооборона в любой форме — это тоже проявление потребности выживания. Поэтому страх, так же как и жестокость, гнев, бегство, ужас и паника, не что иное, как реакции, которые в том или ином виде присущи всем живым существам. Насколько человеку удастся подавлять свои инстинкты, приводящие к убийству, зависит, таким образом, не только от собственных внутренних человеческих факторов, но и от соответствующей силы страха перед смертной казнью.

Можно привести огромное количество примеров, когда воля человека условиям и обстоятельствам, какими бы они сильными и тяжелыми ни были, не подчинена. Поэтому стать преступником — это не судьба твоя, а твой выбор, и ошибочно утверждение о том, что «преступник — все же жертва общественных условий, ведь воля его определяется условиями» [8, с. 32].

Неужели человек неискоренимо предрасположен к преступлениям? Неужели зависть, алчность, месть, ненависть и т. д. составляют неотъемлемые свойства человеческого существа, приводящие его к насилию и убийству подобных себе существ? Способен ли человек, обладая свободной волей, эти свойства направлять не на зло, а на добро? Насколько действительно для человека психологическое устрашение смертной казнью, если убийства, так же как и другие насильственные преступления, являются результатом не свободной воли человека, а сложного процесса, образующего характер деятельности, обусловленного, с одной стороны, организацией и развитием мозга, интеллектом и накопленным опытом, эмоциональной возбудимостью, а с другой - внешними обстоятельствами?

Д. Норрис пишет: «Меня удивлял тот факт, что разумные люди снова и снова совершают поступки, обрекающие их на тюремные заключения. Может быть, делая выбор, они не имели свободы воли? Один такой убийца сказал мне “как только я выхожу из тюрьмы и вдыхаю воздух свободы, я становлюсь похож на попугая, выпущенного из клетки, срываюсь с тормозов и делаю то, что вновь попадаю в клетку”» [6, с. 4]. В свое время философ Д. Локк, указывая на несоответствие качества свободы понятию о воле, сказал, что задаваться вопросом — свободна ли воля, так же неосновательно, как спрашивать, быстр ли сон человека или квадратна ли добродетель [13, с. 21]. На самом деле, если общественный договор, в котором человек принял на себя обязательство и обещание ни у кого не отнимать жизнь взамен защиты своей со стороны соответствующего органа, был основан на разуме и свободной воле

тех, кем управляют, значит, следует согласиться с мнением о том, что человек обладает волей и может контролировать свои действия и поступки.

Не рассматривая здесь вопрос о свободе воли подробно, что слишком отвлекло бы нас от основной проблемы, хотелось бы, однако, подчеркнуть, что философия почему-то всегда пыталась отнести эту проблему только к предмету своего познания, игнорируя, тем самым, другие конкретные науки, в частности психологию, социологию и психофизиологию, в то время как в основе волевых актов лежит именно рефлекс высших мозговых центров. Возможно, что при объяснении причин других преступлений это не имеет решающего значения, но в мотивах умышленных убийств и различных насильственных преступлений без данных этих наук обойтись невозможно, на что, кстати, еще обращали внимание философы древности. Так, говоря о мотивах и причинах убийств и вообще об агрессивном насильственном поведении людей, - Платон утверждал, что причиной тому служит, как правило, наибольшее из зол — господство страсти, заставляющее душу рычать от вожделения, устремляться к ненасытному стяжанию и насилию. Яростное начало начинает господствовать в душе человека, переворачивает все в ней вверх дном и толкает на тяжкое преступление - убийство с тиранической силой, которой невозможно противостоять. Платон признавал неодолимость этой силы для многих людей. Приблизительно так же рассуждал Аристотель, считая, что даже в условиях единообразия внешних условий жизни люди будут сохранять присущие им от рождения различия характера, темпераментов, склонностей. Поэтому психологическое разнообразие индивидуальностей всегда будет порождать конфликты между людьми, которые вряд ли удастся устранить. По мнению философа, никакими наказаниями, даже угрозой лишения жизни, невозможно сделать человека иным, чем он есть по своей природе, ибо он продолжает оставаться «животным», существом, способным впадать в безумство, сеять вокруг себя разрушение и гибель. Следовательно, по Аристотелю выходит, что государству не под силу посредством даже смертной казни переделать человеческую природу, а значит, уничтожить в корне насильственные преступления, в частности умышленные убийства.

Психофизиология призвана изучать физиологический, нервный механизм волевых актов при совершении преступлений, а психология исследует взаимные зависимости психических процессов человека при совершении преступления: ощущения, желания, сознание, чувство страха о наказании и т. д. Физиологические состояния и внешние обстоятельства, воздействуя на наше сознание, возбуждают в сознании человека стремление, хотение к совершению преступления.

Каким бы страшным подобием дикого животного человек ни был, каждое конкретное преступление насильственного характера, в особенности убийство, следует рассматривать, на наш взгляд, как результат нескольких факторов: психологические признаки человека, естественно-физические и социальные. История развития учений о природе насильственных преступлений, в принципе, можно представить как историю борьбы двух направлений — социологического и биологического. Чтобы страх перед смертной казнью оказал на людей эффективное психологическое воздействие и противостоял ужасным преступным намерениям, необходимо, естественно, выяснить, познать смысл поведения человека вообще и насильственно-преступного в частности. Может быть, мы от рождения подвержены животным страстям - страху, гневу, жадности, как утверждал Т. Гоббс, и любовь к себе, а не к другим, является неискоренимым и доминирующим мотивом большей части человеческих действий. Или же, человек — это страшное подобие дикого животного, которого не смогли сделать лучше

цивилизация и культура (А. Шопенгауэр). Если это так, то такое средство, как наказание, даже в форме смертной казни, не в силах противостоять злему намерению человека. Наказание бесполезно также в том случае, если мы согласимся с Ж.Ж. Руссо, утверждавшим, что будто человек от природы добр, а во всех его злодеяниях виновна цивилизация, которая способна его укротить. Одним словом, значимость и полезность психологического устрашения наказания, в том числе смертной казни, непосредственно связана с уяснением основного вопроса: связано ли преступное поведение человека с его сущностью, с ним самим, или это результат внешних факторов? Если мы установим, что эти мотивы и причины исходят из самой личности и находятся под ее контролем, следовательно, есть смысл обратиться к наказанию и использовать его психологическое воздействие. Если же поведение человека вообще и агрессививно-преступного в частности регулируется обстоятельствами, не зависящими от него, то в таком случае, естественно, необходимо отказаться от наказания и обратиться к некарательным воздействиям, ибо установлено, что есть преступники, у которых в результате потери контроля отсутствует рациональное поведение в отношении оценки последствий своего деяния. Но также встречаются преступники, которые совершенно ясно понимают значение своего поведения и предполагаемое наказание в результате разоблачения, даже в виде смертной казни. Э. Фромм отмечал, что «новых открытий в человеческой природе можно ожидать только на базе эволюционного учения» [10, с. 300].

Иногда создается впечатление, что развитие науки о человеке не только не приблизило нас к познанию его сущности, но, напротив, все более удаляет нас от этой цели. Конечно, не хочется быть экзистенциалистом, представители которых утверждают, что, хотя мы все более и более узнаем о человеке, его сущности, по-видимому, все менее и менее для нас это существо становится ясным. Не хочется верить и в принципиальную непознаваемость, непостижимость, непонятность сущности человека. В то же время нельзя не согласиться с Б. Паскалем, который сказал, что нет для человека задачи неразрешимее, а между тем, это есть он сам [7, с. 368]. На протяжении веков оттачивалась способность человека глубоко и тонко размышлять о самом главном - о себе, своем месте в мире, смысле собственного существования, справедливости, об истоках своего поведения, о добре и зле. Медленно, постепенно шел он к познанию своего существа, ибо понимал, что «наихудшее состояние человека - это когда он перестает сознавать себя и владеть собою» [7, с. 110]. А из этого вытекает, что наилучшее состояние человека — это когда он сумел познать и понять себя, чтобы уметь владеть собой. Известное изречение: «Познай самого себя», написанное перед входом в храм Аполлона в Дельфах, стало своего рода ориентиром для науки, начиная с античных философов. Но возможно ли это? Ведь человек хорошо знает сущность того, что создал он сам. Однако если признать, что человек — творение Всевышнего, значит, только Ему как Создателю суждено понять суть созданного Им существа. Тем не менее, человек, зная, что он — самое непостижимое для себя творение природы, всегда помнил изречение Платона: «Делай свое дело и познай самого себя».

В системе тех или иных связей человек начал изучаться то как продукт биологической эволюции, то как субъект и объект исторического процесса — личность, то как естественный индивид с присущей ему генетической программой развития и определенным диапазоном изменчивости. Как и следовало ожидать, философы, в особенности марксисты, полагают, что лишь философия, а не какие-либо другие науки в совокупности, может осветить проблему человека в целом, то есть стать подлинной теорией целостности человека, ибо другие науки,

в частности, антропология и психология, этика, юриспруденция, история, генетика, каждая отрасль социальной науки, ставят или освещают ту или иную сторону проблемы человека, и только философия, опираясь на названные отрасли, в состоянии ответить на вопрос: что за существо - человек? Однако физиологические и психологические исследования нейродинамических свойств человека последних лет открыли эпоху в познании природных особенностей личности, в частности в области источников ее поведения. На самом деле, выдвижение проблемы причин преступного поведения человека и определение эффективного противодействия этому явлению в качестве общей проблемы для всей современной науки коренным образом изменяет положение психологии в системе наук, поскольку именно психология становится орудием познания поведения человека, средством объединения философии и генетики, а также криминологии вообще, различных разделов естествознания в новом синтетическом человекознании. Естественно, что основу теории о человеке составляет философия, для которой человек - великая, вечная и универсальная проблема. В принципе, нетрудно заметить, что современная наука о человеке, о познании его сущности, развивается, с одной стороны, в превращении этой проблемы в общую проблему всей науки в целом. С другой стороны, наблюдаются всевозрастающая дифференциация научного изучения человека, углубленная специализация отдельных дисциплин и их дробление на ряд все более частных учений. Наконец, особенность современного научного развития характеризуется тенденцией к объединению различных наук, аспектов и методов исследования человека в различные комплексные системы, к построению синтетических характеристик человеческого развития [1, с. 4]. В то же время следует особо подчеркнуть, что тесное взаимодействие между естественными и общественными науками о человеке, о его сущности нельзя обеспечить без психологической науки, которая способна объединить все специальные дисциплины в целях познания все еще непознанного существа - человека.

Теория эволюции дала возможность психологии, в какой-то мере, дать ответ на исторический вопрос об источниках поведения человека, поскольку именно эта наука занимается изучением того, какие механизмы стимулируют человеческое поведение и каким образом, возможно, противостоять зловердным деяниям. Различные подходы и взгляды психологов на проблему агрессивного поведения человека привели к различным мнениям криминалистов. И это вполне естественно, ибо, как говорил Э. Фромм, «сам человек не являет собой совершенное, законченное существо, он еще не готов, полон противоречий» [10, с. 353].

Человек наделен от природы могучим разумом, обладает способностью рассуждать и отличать добро от зла, правомерное поведение от зловердного. Как говорил Д. Дидро, Бог дал человеку сердце для того, чтобы различать добро и зло, не делать другим того, чего он не желает себе. Следовательно, поведение человека предопределено его сознанием и волей. А из этого вытекает, что если воля человека являлась причиной совершения преступления, то она и является конкретным объектом психологического воздействия смертной казни. Но почему же у одних людей воля противостоит преступному намерению убивать, а у других - нет? Дело в том, что нашим волевым действиям, в том числе преступным, предшествует известный процесс, который совершается в нашем мозге. Именно этот процесс и играет роль причины по отношению к преступлениям, в особенности насильственным.

Таким образом, можно утверждать, что воля человека, совершившего преступление, больна. Но откуда эта болезнь появилась? Это продукт природы или общества? Если это продукт природы, то получается, что природа, создавая больную волю, противостоит обще-

ству и создает особые натуры убийц и насильников. Если, же это продукт общества, то человек с больной волей, совершивший злодеяние, убийство, не ответствен за свои поступки. Поэтому использование наказания в виде смертной казни в качестве средства психологического воздействия, естественно, неприемлемо. Г.В. Еллинек пишет: «Не в природе, а в обществе должны мы искать причины болезни воли» [3, с. 82]. Болезнь воли, по мнению автора, состоит в ненормальном отношении индивидуальной воли к социальным требованиям. Следовательно, это болезнь социальная [3, с. 80], это есть полное и четкое отрицание наказания в противостоянии насилию, убийствам и вообще к любому преступному поведению.

Современное состояние науки дает основание утверждать, что воля не представляется чем-то отвлеченным. Она есть такое же естественное явление, как и все окружающее нас в мире, и находится в зависимости от таких же естественных причин, как и все прочее во вселенной. Законы ее зарождения, развития и разрушения исследуются психологией, которая в состоянии проникнуть во все тайны человеческой воли и объяснить нам весь ее механизм. Несмотря на то, что психология и сегодня признает, что в этом вопросе она сталкивается со многими неясностями и трудностями, которые известны и философам, тем не менее, она с достаточной определенностью раскрывает очень важный и принципиальный для нас вопрос: соотношение с волей, что и требуется для установления объекта и предмета психологического воздействия наказания вообще и смертной казни в частности.

Мы согласны с тем, что как орган тела болен, если существует за счет других органов, не внося своей доли в работу для поддержания жизни всего тела, так больна и воля, стремящаяся проявляться в обществе за счет всеобщего блага. Если телесная болезнь — состояние здоровья, то душевная болезнь - болезнь воли, которая отличается своей слабостью.

Человек настолько сложное существо, что «если бы можно было психологическую организацию человека поместить, подобно сложному химическому соединению, в реторту и разложить там, то в ней снова можно было бы отыскать унаследованные от родителей физические и психические качества, влияние климата, свойств почвы, пищи, расы, национальности, языка, религии, воспитания, высшего жизненного положения, политических и общественных отношений, так как все это результаты предшествующего исторического процесса — всей истории» [3, с. 83]. Вот почему характер механизма деятельности человека настолько сложен, многообразен, число движущих сил так велико, что даже сегодня, при современном развитии науки, мы не в состоянии заглянуть в этот механизм глубже, чтобы понять причины преступного поведения, а затем найти методы и средства эффективного противодействия.

«Болезнь воли» абсолютно не дает оснований для утверждения положения о том, что мозг преступника, в частности убийцы, представляет собой особенный, уклоняющийся от нормального мозга тип (М. Бенедикт). Самое худшее не этот выдуманный «мозг преступника», который вначале играл роль пугала для представителей уголовного права, а утверждение Ч. Ломброзо, что всякое преступление представляет собой поворот к привычкам примитивного человека, что каждый преступник отличается телесными и душевными признаками дикаря. Если даже сегодня мы не смогли в полном объеме, до конца понять причины и источник злонамеренного поведения человека, тем не менее, знаем, что прирожденного преступника, насильника, убийцы не существует, что он не представляет собой антропологического типа. Следовательно, человек обладает свободной волей, а это означает, что на преступление он может идти свободно и сознательно.

В то же время человеку свойственно стремиться к удовольствиям и избегать неприятностей, поэтому должны существовать наказания (средства), предохраняющие людей от недопустимых методов и способов получения этих удовольствий. Тогда, когда человек, в силу слабого характера, то есть «болезни воли»¹, поддается соблазнам, он теряет способность к свободному волеизъявлению. Иначе говоря, неспособность человека устоять перед соблазном — слабость силы воли. Но возможно ли посредством наказания, а тем более смертной казни, путем психологического воздействия устранить эту «болезнь воли», которая является результатом перекрестного взаимодействия различных факторов: индивидуальных (психологические признаки человека - возраст, пол и т. д.), естественно-физических (влияние географических и климатических условий, времени года и т. д.), социальных (жилищные условия, социальный статус, состояние экономических, политических и других отношений в обществе), исторических (переходное, кризисное состояние общества)? Вспомним, как Шекспир вскрывает несколько разновидностей оснований творимого людьми зла: метафизические («Макбет»), социально-исторические («Генрих IV») и антропологические («Ричард III»). Следовательно, причиной «болезни воли» являются различные факторы, а значит, в большей части в генеалогии каждого преступления, совершаемого кем-либо, участвуют не общие, а конкретные, специфические детерминанты.

Если исходить из того, что угроза смертной казнью как наказание - одна из детерминант человеческого поведения, то можно констатировать безусловность ее воздействия на волю и разум людей, ибо она воздействует на отдельное лицо, детерминируя его индивидуальное поведение, через индивидуальный психологический аппарат. При этом ошибочно полагать, что психологическая угроза смертной казнью обращена только на тех, у кого «больная воля», что касается остальных граждан, то она оказывает на них лишь воспитательное воздействие.

Угроза наказанием высшей степени, которая реально может лишить человека жизни, направлена на всех, но психологическое отношение самих людей к этой угрозе, естественно, различное. Если кто-то из боязни этого сурового наказания не совершает преступлений, то это не означает, что у него абсолютно здоровая воля, а свидетельствует лишь о том, что воля себя еще не проявила. Возможно, немаловажная роль в этом принадлежит именно наказанию, которое служит средством противодействия преступному намерению. Другие не боятся угрозы потери жизни или боятся, но не настолько, чтобы психологическое устрашающее воздействие смертной казни удержало их от убийств или других тяжких преступлений. Это преступники, которые страдают «болезнью воли». Большинство же людей, как известно, не совершают преступлений, что свидетельствует о «здоровой воле», и преступные деяния противоречат их морали и нравственности. Однако это ни в коей мере не означает, что для них угроза наказания, а тем более высшей меры, безразлична, ибо насколько бы они ни были высокосоциальными, обладающими здоровой, сильной волей, они не могут быть безразличными к существованию смертной казни и психологически не оценивать ее устрашающее, предупредительное свойство.

Таким образом, психологическое воздействие наказания в виде лишения жизни человека направлено на всех членов общества. Однако непосредственным объектом воздействия являются лишь те, у которых существует «болезнь воли», ибо наказание вообще, в принци-

¹ «Болезнь воли» следует понимать в смысле «слабости воли».

пе, не имеет объективных возможностей излечения людей с «больной волей», совершивших уже противоправное деяние, а граждане со «здоровой волей» в этом, естественно, не нуждаются. Практическая невозможность определения людей с «больной волей» препятствует эффективному контролю над преступностью в обществе. При этом, разумеется, следует помнить, что наказание, и в особенности смертная казнь, в состоянии воздействовать на волю человека, а значит, и на его поведение лишь в том случае, если само поведение подконтрольно его сознанию и воле. В противном случае любое наказание беспредметно, бессмысленно и безнравственно. Следовательно, психологическая угроза смертной казнью тем менее эффективна, чем в большей степени поступок, поведение человека зависят от обстоятельств, не подконтрольных его воле и сознанию.

Итак, нельзя недооценивать роль смертной казни как фактора воздействия на психику людей, создающего дополнительный стимул поведения и вызывающего нежелательные для общества рефлексы. Тот факт, что этим страшным наказанием невозможно вылечить «больную волю», еще не говорит о принципиальной невозможности с помощью угрозы смертной казнью «повернуть» мысль человека в нужную сторону. Потенциальный убийца, например, с «больной волей» знает, что риск, на который он идет, совершая убийство, столь велик, а наказание столь сурово, что он может больше потерять, чем выиграть от своих действий. Следовательно, в его сознании всегда существуют следующие мысли: величина риска, суровость наказания и расчет. Исследования психологии потенциальных убийц свидетельствуют, что решающим фактором в создании удерживающего эффекта психологического воздействия смертной казни является ее неотвратимость. Конкретные социально-психологические и правовые исследования указывают, что представление об исключительности наказания имеет немалое предупредительное значение, ибо «характер юридических последствий поступка, в том числе степень строгости грозящего наказания, входит в число факторов, оказывающих в ряде случаев влияние на выбор вариантов поведения» [5, с. 144].

Конечно, от смертной казни нельзя требовать больше, чем то, на что она объективно рассчитана. Цель государства при применении этого наказания состоит в том, чтобы породить в сознании как отдельного человека, так и общества в целом настолько живые представления о необходимости воздержаться от известных деяний, за которые предусмотрена высшая мера, чтобы такие представления всегда одерживали верх над противоположными.

Между волей человека и его сознанием существует неразрывная связь. Поэтому чем определеннее и яснее мы понимаем, что воля зависит от сознания, побуждающего ее к действию в известном направлении на внешний мир, тем наказание становится целесообразнее. Где же нет сознания, где оно неразвито, помрачено или разрушено, там не может быть речи о нормальном соотношении между сознанием и волей. А раз это так, то человек, сознание которого составляет самую сущность его Я, сам является деятелем своих действий. Иначе говоря: кто совершил убийство - мог его и не совершать. Он свободно выбрал зло и должен быть наказан. Побуждением, мотивом, удерживающим человека от совершения этого ужасного преступления, является утвердившееся в сознании представление о том, что эти действия повлекут за собой потерю жизни. Сознание выражается, прежде всего, в понимании, осмыслении определенных фактов и положений, а затем - в постановке определенных целей и подыскании средств для их достижения. Деятельность разума характеризует сознание как доминирующее явление психики человека. Следовательно, сознание можно рассматривать как высшую форму психической деятельности человека, подчиняющую, регули-

рующую и контролирующую все другие явления психической жизни. С другой стороны, сущность сознания можно определять как некое духовное состояние, которое субъективно отражает объективность и на этой основе производит, создает, творит человеческое сознание. Одним словом, сознание - чрезвычайно объемное, целостное и многостороннее историческое образование, отнюдь не исходная предпосылка человека, а результат его многовекового развития в общественной среде. Как справедливо отмечает Д.А. Керимов, глубоко погружаясь корнями в эту среду, сознание не только питается ее соками, но и наполняет ее своеобразием индивидуальности [4, с. 371].

Под сознанием следует понимать сформированность нравственных знаний, суждений, чувств и поступков. Поэтому общество, где эти качества стали убеждениями для его членов, руководством в сфере деятельности, обладает высоким уровнем сознания, когда нормы поведения становятся осознанной необходимостью. Они обуславливаются внутренними мотивами – потребностями, диктуемыми не только общественными нормами морали, а также существующими правовыми нормами, но и собственной совестью. Такое высокоразвитое сознание, естественно, весьма положительно влияет и на волю человека, и тем самым создается побуждение, мотивы, удерживающие человека от совершения преступления. При среднем уровне сознания правовые суждения продиктованы скорее необходимостью жить по законам общества, чем внутренней потребностью. Поэтому воля нетвердая и нестабильная и в любой момент в зависимости от сложившихся обстоятельств и условий проявляет свою слабость, что приводит к совершению любого преступления. Уровень сознания не в состоянии положительно влиять на волю такого человека. Низкий уровень сознания характерен для тех людей, которые имеют интуитивное представление не только о правовых, но и о нравственных нормах поведения. Правовые и моральные нормы не стали для них убеждениями, а значат внутренней потребностью. Поэтому такой человек является потенциальным преступником, ибо его воля под влиянием низкого уровня сознания больна.

Таким образом, при высоком уровне сознания проявляется сильная воля. Следовательно, есть гарантия того, что человек не способен совершить преступление. При среднем уровне сознания - воля слабая. Значит, нет уверенности в том, что человек не совершит преступления. Низкий уровень - больная воля. Это потенциальный преступник. Цель общества - поднять уровень сознания его членов. Наказание таких возможностей не имеет. Оно в состоянии лишь противостоять больной воле, а не излечивать ее.

Библиография

1. Аннаньев Б.Г. Человек как предмет познания. 3-е изд. - С. Петербург: Питер, 2018. - 288 с.
2. Беляев Д.К. Современная наука и проблемы исследования человека//Вопросы философии. 1981. №3. – С. 3-16.
3. Еллинек Г.В. Социально-этическое значение права, неправды и наказания. - М.: Книга по требованию, 2013. - 158 с.
4. Керимов Д.А. Методология права. Предмет, функции, проблемы философии права. - М.: Изд-во СГУ, 2011. - 521 с.
5. Кудрявцев В.Н. Право и поведение. - М.: Юрид. лит., 1978. - 192 с.

6. Норрис Д. Серийные убийцы. - М.: Крон-Пресс, 1998. - 320 с.
7. О природе человека: Монтень, Ларошфуко, Паскаль. - М., 2009. - 283 с.
8. Популярные лекции по уголовному праву И.В. Платонова. - СПб., 1901, 183 с.
9. Федосеев П.Н. Проблемы социального и биологического в философии и социологии. В кн. Биологическое и социальное в развитии человека. М.: Наука, 1977. - С. 5-64.
10. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. - М.: АСТ, 2012. - 635 с.
11. Jessery. Criminal Behavior and learning theory // J. Crim. I.C. and P.S. 1965. No. 56, pp. 295-300
12. Kaiser G. Genetics and Crime. Proceedings of the 2nd International Symposium on Criminology. San Paulo, Brazil, 1975, pp. 7-8
13. Locke D. Essay on human understanding. B. II. 131 p.